

Моей Марте

«Будущее еще не написано;
прошлое сожжено и кануло в не-
бытие».

*Надпись на табличке картины
«Сад утрат и надежд»,
сэр Эдвард Хорнер, 1873—1919*

ПРОЛОГ

1

1918. ИЮНЬ

До конца своей жизни Лидди будет гадать, могла ли она остановить Неда. Ах, если бы она чуть раньше обратила внимание на его настроение — он был таким странным после их возвращения из Лондона, если бы она поняла, что задумал совершить ее супруг, когда потратил все до последнего пенни, чтобы выкупить «Сад утрат и надежд»... Если бы она не сидела за письменным столом, глядя в пространство — если бы она была внимательнее и *видела* больше вокруг себя, могла бы она вмешаться и остановить Неда? Но когда Лидия Дайзарт Хорнер пришла в мастерскую мужа, было слишком поздно. Она не сумела спасти из пламени самую знаменитую — и уж точно самую любимую — во всем мире картину.

Был июнь. Лидди зашла в гостиную. Французские окна были открыты в прелестный сад, в воздухе витали ароматы жасмина и лаванды. Удрученно перебирая вечную пачку неоплаченных счетов, она вдохнула полной грудью запах цветов, чтобы он вытеснил запахи пыльных книг и ковров, газовых ламп и бараньего окорока с розмарином — стряпни Зиппоры. В то утро Лидди срезала розмарин и собственноручно выкопала из черной земли несколько кустов молодого картофеля: ровные, золотые клубни. А для украшения стола она выбрала лило-

вые, темно-красные, розовые цветы: тяжелые розы, сирень и гравилат.

Они приехали в этот дом двадцать четыре года назад, почти день в день, в яркий и полный надежд июньский полдень, когда за домом грустили над речкой ивы, а молодой дубок, который с тех пор вырос и уже возвышался над крышей дома, оделся в свежую зелень. Уставшие от долгой дороги, они почти не замечали буйства пробудившейся природы. Нед помог молодой жене — они были так молоды, почти дети, — выйти из коляски и понес любимую на руках. Она растянула лодыжку в их прежней квартирке, милом надвратном доме, — как давно она не вспоминала о нем! И никогда после него ей не было так уютно и хорошо, даже теперь. В памяти Лидди до сих пор сохранилось неловкое ощущение — желание привести в порядок волосы — тяжелую массу, упавшую ей на плечи, когда коляска тряслась по неровной дороге, но руки Неда крепко обнимали ее, лицо его светилось от усилий и яростной одержимости, с которой он постоянно жил и которая в конце концов его погубила.

— Лидди, послушай! В кронах деревьев поют соловьи, я слышал их вечером. Я слышал их пение.

Высокий странный дом приветствовал новых жильцов, но никто из людей не владел им по-настоящему, все они просто жили в нем. Золотистый котсуолдский камень с пятнами лишайника сохранял летом прохладу, а зимой ловил солнечный свет. Виргинский плющ закрывал южную сторону дома, лимонно-зеленый весной, малиново-красный осенью, белые кружева гортензии красовались под окнами кабинета и столовой. Вокруг двери были вырезаны совы, над ней белки, а наверху на четырех каменных перемышках гордо красовались четыре каменных соловья.

Они были и на ее кукольном домике, вот почему она поняла, куда привез ее Нед.

Да, те воспоминания. От них у нее перехватило горло и на этот раз — как всегда.

Первые шажки Джона, шаткие, решительные, крошечные по неровным ступенькам, ведущим в Заросли, а там его сестренка пела песенку из «Матушки Гусыни», которую специально переделала для него:

*Джон, Джон, сын художника он.
Украл пирожок и прыг за порог.*

Морозное рождественское утро, когда Элайза тайком ушла рано утром и вернулась домой, раскрасневшаяся от мороза, волоча за собой плющ и жесткий остролист.

Первый приезд Мэри, ее милое, смуглое лицо в дверном проеме, слезы на глазах, ее медовый, низкий голос: «Я чувствую, что мама здесь, Лидди — она здесь, правда?» Но это было восемнадцать лет назад, и теперь она даже не знала, жива Мэри или нет.

Время работы над картиной — то золотое лето, когда она часами позировала Неду. Дети — эльфы, танцующие в саду с птичьими крылышками, и Нед, безумно старавшийся все уловить, запечатлеть воспоминания, любовь, красоту сада на холсте...

Дребезжание велосипеда в то чугунно-холодное утро, телеграмма, птицы замерзали на ветвях. Все умерли. Она дала деньги мальчишке-почтальону. Совершенно спокойно.

Лидди снились сны, в которых другая женщина сидела за письменным столом, за этим самым, и глядела в сад; ее волосы убраны наверх, как у Лидди. Та женщина была не она, а кто-то еще, но лица ее она никогда не видела.

В тот день она не могла сосредоточиться. Весна выдалась ужасно холодной, и внезапная летняя жара в тот

день была особенно желанной. Выронив из пальцев счет от мясника, Лидди сидела и сонно слушала соловьев, а гудение шмеля у оконного стекла лишь усиливало ее дремотное состояние.

И тут она уловила запах. Поначалу слабый, сладковатый запах зимы.

Но по ее распоряжению в доме после Троицы никогда не зажигали огонь. В саду тоже. Садовник Дарлинг знал, что этого нельзя делать, потому что птицы сидели на гнездах. И какой-то инстинкт, некая мышечная прапамять о несчастье заставили ее встать и протиснуться мимо письменного стола на террасу, где аромат роз теперь еще сильнее смешивался с этим запахом.

Это был запах чего-то горелого. Запах пожара.

Лидди побежала к Голубятне, старинному банкетному домику на краю сада, где Нед оборудовал себе студию. Она уже слышала треск горящей древесины, потом что-то расколосось и раздался страшный, почти нечеловеческий крик. Она ускорила шаг, каблуки ее маленьких шелковых туфель вязли в мягкой земле, тяжелый темно-розовый шелк платья прилипал к ногам, словно мокрый. Подойдя к домику, она остановилась в дверях и закричала, вскинув над головой руки.

Нед стоял перед оранжевыми языками жадного огня. От пламени летели белые искры, и он хватал их, сжимал, размахивал руками и топал ногами по полу.

— Все! Нет ее! — пронзительно визжал он, маниакально тыча пальцем в огонь. — Нет ее! Нет! Нет! — Его голос был писклявым, птичьим. — Нет ее!

— Дорогой мой! — воскликнула Лидди, громко, чтобы он услышал ее сквозь рев огня. — Дорогой! Нед! — Она схватила его за плечи и хотела повернуть прочь от пламени, но он грубо оттолкнул ее с силой безумного человека.

— Я давно хотел это сделать, — сказал он, но смотрел не на нее, а сквозь нее. Словно ее не было рядом с ним. Его щеки покраснели. — Я уничтожу ее. Магический трюк! Она больше не будет нас преследовать, Лидди! Она больше не принесет нам беду!

От жары у нее болело лицо, но она смотрела раскрыв рот. Она уже знала, что увидит.

«Сад утрат и надежд», обернутый в коричневую бумагу и перевязанный веревкой, стоял на мольберте в студии восемь месяцев, с тех пор как Нед выкупил его. Теперь она увидела, что печать сломана, а из кое-как перевязанной бумаги выглядывали края золоченой рамы. И пока она смотрела, Нед схватил картину и швырнул ее в огонь. Рама мгновенно вспыхнула.

Лидди закричала словно от боли — и бросилась к огню, но Нед оттолкнул ее. Она не отрывала глаз от завернутой в бумагу картины. Золотая рама плавилась, уходила в небытие, исчезала у нее на глазах. Ее дети, рассматривавшие что-то интересное на траве. Их прелестные спины слегка наклонены, крылышки поблескивали золотом в лучах вечернего солнца — Нед изобразил их на холсте с поразительной точностью, и вот теперь они сгорели. От них не осталось ни следа, жадное пламя лизало табличку: «Сад утрат и надежд», сэр Эдвард Хорнер, К.А. 1900».

Какой громкий шум! Она никогда не думала, что огонь может так рычать и рыдать!

Лидди обняла мужа.

— Нед, — рыдала она. — Милый, как ты мог? — Она с трудом оттащила его на несколько шагов и приложила ладонь к его лбу. Лоб был ледяной, глаза стеклянные. — Боже милостивый — зачем?

— Он больше не вернется. Я сжег его. Он канул в небытие. Она тоже. Маленькие птички улетели... — Вот все, что он мог сказать.

Лидди прижимала к себе его дрожащее тело, скользкое от пота. Он едва ли сознавал, где он и что совершил. От страха у нее перехватило горло.

— Милый, пойдем в дом, — умоляла она. — Ты нездоров.

Но он снова оттолкнул ее.

— Я здоров. Я здоров.

От густого черного дыма у нее текли слезы. Она закашлялась, и Нед сжал ее руки.

— Теперь нам больше не придется смотреть на них, — сказал он внятно и серьезно. Половина его лица была в тени, на другой, оранжево-розовой, трепетали отсветы пламени. — Этот огонь очистил нас. Да, Лидди, очистил.

Оттолкнув ее, он протянул руку за маленьким эскизом к «Саду утрат и надежд», который всегда висел в углу мастерской. Собрал все силы, Лидди вырвала у него эскиз и выпихнула Неда в сад. После этого она собрала всю одежду и тряпки, какие могла, и вдруг с ужасом поняла, что мастерская может в любую секунду взлететь на воздух из-за хранившегося там скипидара. На полу валялся свернутый ковер. Она набросила его на огонь. От тяжести ее руки оказались над пламенем; она ощутила пронзительную, раскаленную боль, услышала шипение собственной кожи и с удивлением обнаружила, что горят ее собственные руки. Проявив невиданное для нее присутствие духа и совершив некий акт страхования на будущее, которого она не могла предвидеть, Лидия придерживала руками шелковый подол и топтала изо всех сил обеими ногами ковер, закрывший огонь.

В доме поняли, что в Голубятне творится что-то неладное. Послышались крики:

— Голубятня горит! Воды! Несите туда воду!

Пошатываясь, Лидди вышла из домика. Из ее глаз лились слезы. Моргая, она смотрела на свои руки, красные,

в ожогах, и не ощущала боли. Зиппора и маленькая Нора появились в дверях кухни и бросились к ней. Фартук Зиппоры трепетал на ветру, когда она вылила таз воды на пламя, выбившееся из-под края ковра. Садовник материализовался из райских кущ сада; он толкал тачку с металлической ванной, наполненной водой; его старческая, кривоногая фигура быстро приближалась к домику.

— Миссис Хорнер! Мадам! — Нора в ужасе показывала на траву за спиной Лидди. Там лежал Нед с белым как мел лицом. Он открыл глаза, и теперь в них появились проблески сознания. Слабой рукой он подозревал жену, а когда она присела возле него, сказал спокойно своим обычным голосом:

— Лидди, яневажно себя чувствую, птичка моя. Яневажно себя чувствую.

Он находился в мастерской весь предыдущий день, потом ушел на долгую прогулку и не возвращался до вечера. Ужинали они вместе с лордом и леди Кут, и он молчал почти все время за ужином и после, отрешенный, погруженный в свои мысли. Ночью он лег к ней в постель. У них была близость впервые за много месяцев, хотя ей показалось, что он с трудом понимал, кто она такая. Утром она вспоминала его страстный визит, его ласки, и у нее болело за него сердце, хотя за эти годы случилось много всего, что разделило их. Она понимала, что после утраты Джона он был в ужасной депрессии.

В отличие от Лидди, он не очень много общался с Джоном, но несчастье, казалось, потрясло его сильнее, чем ее. За эти последние месяцы он пал духом. Сэр Эдвард Хорнер вышел из моды; много лет прошло с тех пор, как Королевская Академия нанимала охрану и ставила кордоны, чтобы сдерживать рвущуюся на его выставки толпу. Он был все еще популярен, но теперь создавал патристическое картины, прославлявшие Империю. Одним